

КНИГИ - МОИ ДРУЗЬЯ

Николай Сладков

ЛЕСНЫЕ СКАЗКИ

Николай Сладков

Лесные сказки

«ЭКСМО»

Сладков Н. И.

Лесные сказки / Н. И. Сладков — «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-49305-0

Милые и трогательные истории о лесных животных с замечательными, красочными иллюстрациями. Вместе с героями этой книжки, смешными и добрыми зверушками, ребенок отправится в чудесное путешествие по волшебному миру сказки.

ISBN 978-5-699-49305-0

© Сладков Н. И.

© Эксмо

Содержание

Как медведя переворачивали	5
Лесные шорохи	8
Зимние долги	11
Вежливая галка	13
Тетеревиные ноты	15
Чья проталина?	16
Заячий хоровод	19
Нечеловеческие шаги	21
Дрозд и Сова	24
Пять тетеревей	25
Блокнот забыл	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Николай Сладков

Лесные сказки

Как медведя переворачивали

Натерпелись птицы и звери от зимы лиха. Что ни день – метель, что ни ночь – мороз. Зиме конца-краю не видно. Разоспался Медведь в берлоге. Забыл, наверное, что пора ему на другой бок перевернуться.

Есть лесная примета: как Медведь перевернётся на другой бок, так солнце повернёт на лето.

Лопнуло у птиц и зверей терпение. Пошли Медведя будить:

– Эй, Медведь, пора! Зима всем надоела! По солнышку мы соскучились. Переворачивайся, переворачивайся, пролежни уж небось?

Медведь в ответ ни гугу: не шелохнётся, не ворохнётся. Знай посапывает.

– Эх, долбануть бы его в затылок! – воскликнул Дятел. – Небось бы сразу зашевелился!

– Не-ет, – промычал Лось, – с ним надо почтительно, уважительно. Ау, Михайло Потопыч! Услышь ты нас, слёзно просим и умоляем: перевернись ты, хоть не спеша, на другой бок! Жизнь не мила. Стоим мы, лоси, в осиннике, что коровы в стойле: шагу в сторону не шагнуть. Снегу-то в лесу по уши! Беда, коли волки о нас пронюхают.

Медведь ухом пошевелил, ворчит сквозь зубы:

– А мне какое до вас, лосей, дело! Мне снег глубокий на пользу: и тепло, и спится спокойно.

Тут Белая Куропатка запричитала:

– И не стыдно, Медведь? Все ягоды, все кустики с почками снег закрыл – что нам клевать прикажешь? Ну что тебе стоит на другой бок перевернуться, зиму поторопить? Хоп – и готово!

А Медведь своё:

– Даже смешно! Зима вам надоела, а я с боку на бок переворачивайся! Ну какое мне дело до почек и ягод? У меня под шкурой сала запас.

Белка терпела-терпела – не вытерпела:

– Ах ты тюфяк мохнатый, перевернуться ему, видишь ли, лень! А ты вот попрыгал бы по веткам мороженым, лапы до крови ободрал бы, как я!.. Переворачивайся, лежебока, до трёх считаю: раз, два, три!

– Четыре, пять, шесть! – насмехается Медведь. – Вот напугала! А ну – кыш отседова! Спать мешаете.

Поджали звери хвосты, повесили птицы носы – начали расходиться. А тут из снега Мышка вдруг высунулась да как запищит:

– Такие большие, а испугались? Да разве с ним, куцехвостым, так разговаривать надо? Ни по-хорошему, ни по-плохому он не понимает. С ним по-нашенски надобно, по-мышиному. Вы меня попросите – я его мигом переверну!

– Ты – Медведя?! – ахнули звери.

– Одной левой лапкой! – похваляется Мышь.

Юркнула Мышь в берлогу – давай Медведя щекотать.

Бегает по нему, коготками царапает, зубками прикусывает. Задёргался Медведь, завизжал поросёнком, ногами задрыгал.

– Ой, не могу! – завывает. – Ой, перевернись, только не щекочи! О-хо-хо-хо! А-ха-ха-ха! А пар из берлоги – как дым из трубы.

Мышка высунулась и пищит:

– Перевернулся как миленький! Давно бы мне сказали.

Ну а как перевернулся Медведь на другой бок, так сразу солнце повернуло на лето. Что ни день – солнце выше, что ни день – весна ближе. Что ни день – светлей, веселей в лесу!

Лесные шорохи

Окунь и Налим

Ч удеса подо льдом! Все рыбы сонные – один ты, Налим, бодренький да игривый. Что с тобой такое, а?

– А то, что для всех рыб зимою – зима, а для меня, Налима, зимою – лето! Вы, окуни, дремлете, а мы, налимы, свадьбы играем, икру мечем, радуемся-веселимся!

– Айда, братцы-окуни, к Налиму на свадьбу! Сон свой разгоним, повеселимся, налимьер икоркой закусим...

Выдра и Ворон

– Скажи, Ворон, мудрая птица, зачем люди костёр в лесу жгут?

– Не ожидал я, Выдра, от тебя такого вопроса. Промокли в ручье, замёрзли, вот и костёр разожгли. У огня греются.

– Странно... А я зимой всегда в воде греюсь. В воде ведь морозов никогда не бывает!

Заяц и Полёвка

– Мороз и вьюга, снег и холод. Травку зелёную понюхать захочешь, листочков сочных погрызть – терпи до весны. А где ещё та весна – за горами да за морями...

– Не за морями, Заяц, весна, не за горами, а у тебя под ногами! Прокопай снег до земли – там и брусничка зелёная, и манжетка, и земляничка, и одуванчик. И нанюхаешься, и наешься.

Барсук и Медведь

– Что, Медведь, спишь ещё?

– Сплю, Барсук, сплю. Так-то, брат, разогнался – пятый месяц без просыпу. Все бока отлежал!

- А может, Медведь, нам вставать пора?
- Не пора. Спи ещё.
- А не проспим мы с тобой весну-то с разгона?
- Не бойся! Она, брат, разбудит.
- А что она – постучит нам, песенку споёт или, может, пятки нам пощекочет? Я, Миша, страх как на подъём-то тяжёл!
- Ого-го! Небось вскочишь! Она тебе, Боря, ведро воды как даст под бока – небось не залежишься! Спи уж, пока сухой.

Сорока и Оляпка

- О-о-ой, Оляпка, никак купаться в полынье вздумала?!
- И плавать и нырять!
- А замёрзнешь?
- У меня перо тёплое!

- А намокнешь?
- У меня перо водоотталкивающее!
- А утонешь?
- Я плавать умею!
- А... а... а проголодаешься после купания?
- Ая для того и ныряю, чтоб водяным жучком закусить!

Зимние долги

Расчирикался Воробей на навозной куче – так и подскакивает! А Ворона как каркнет своим противным голосом:

– Чему, Воробей, возрадовался, чего расчирикался?

– Крылья зудят, Ворона, нос чешется, – отвечает Воробей. – Страсть драться охота! А ты тут не каркай, не порть мне весеннего настроения!

– А вот испорчу! – не отстаёт Ворона. – Как задам вопрос!

– Во напугала!

– И напугаю. Ты крошки зимой на помойке клевал?

– Клевал.

– А зёрна у скотного двора подбирал?

– Подбирал.

– А в птичьей столовой у школы обедал?

– Спасибо ребятам, подкармливали.

– То-то! – надрывается Ворона. – А чем ты за всё это расплачиваться думаешь? Своим чикчириканьем?

– А я один, что ли, пользовался? – растерялся Воробей. – И Синица там была, и Дятел, и Сорока, и Галка. И ты, Ворона, была...

– Ты других не путай! – хрипит Ворона. – Ты за себя отвечай. Брал в долг – отдавай! Как все порядочные птицы делают.

– Порядочные, может, и делают, – рассердился Воробей. – А вот делаешь ли ты, Ворона?

– Я раньше всех расплачусь! Слышишь, в поле трактор пашет? А я за ним из борозды всяких корнеедов и корнегрызунов выбираю. И Сорока с Галкой мне помогают. А на нас глядя, и другие птицы стараются.

– Ты тоже за других не ручайся! – упирается Воробей. – Другие, может, и думать забыли.

Но Ворона не унимается:

– А ты слетай да проверь!

Полетел Воробей проверять. Прилетел в сад – там Синица в новой дуплянке живёт.

– Поздравляю с новосельем! – Воробей говорит. – На радостях-то небось и про долги забыла!

– Не забыла, Воробей, что ты! – отвечает Синица. – Меня ребята зимой вкусным салыцем угощали, а я их осенью сладкими яблочками угощу. Сад стерегу от плодожорок и листогрызов.

Делать нечего, полетел Воробей дальше. Прилетел в лес – там Дятел стучит. Увидал Воробья – удивился:

– По какой нужде, Воробей, ко мне в лес прилетел?

– Да вот расчёт с меня требуют, – чирикает Воробей. – А ты, Дятел, как расплачиваешься? А?

– Уж так-то стараюсь, – отвечает Дятел. – Лес от древоточцев и короедов оберегаю. Бьюсь с ними не щадя живота! Растолстел даже...

– Ишь ты, – задумался Воробей. – А я думал...

Вернулся Воробей на навозную кучу и говорит Вороне:

– Твоя, карга, правда! Все за зимние долги отрабатывают. А я что, хуже других? Как начну вот птенцов своих комарами, слепнями да мухами кормить! Чтобы кровососы эти ребят не кусали! Мигом долги верну!

Сказал так и давай опять на куче навозной подскакивать и чирикать. Пока свободное время есть. Пока воробьята в гнезде не вылупились.

Вежливая галка

Много у меня среди диких птиц знакомых. Воробья одного знаю. Он весь белый – альбинос. Его сразу отличишь в воробьиной стайке: все серые, а он белый.

Сороку знаю. Эту я по нахальству отличаю. Зимой, бывало, люди за окно продукты вывешивают, так она сейчас же прилетит и все растреплет.

А вот галку одну я приметил за её вежливость.

Была метель.

Ранней весной бывают особые метели – солнечные. Снежные вихри завиваются в воздухе, всё сверкает и несётся! Каменные дома похожи на скалы. Наверху буран, с крыш, как с гор, текут снежные водопады. Сосульки от ветра растут в разные стороны, как косматая борода Деда Мороза.

А над карнизом, под крышей, есть укромное местечко. Там два кирпича из стены выпали. В этом углублении и устроилась моя галка. Чёрная вся, только на шейке серый воротничок. Галка грелась на солнце да ещё расклёвывала какой-то лакомый кусок. Уютное местечко!

Если бы этой галкой был я, я бы никому такое местечко не уступил!

И вдруг вижу: подлетает к моей большой галке другая, поменьше и цветом потусклее. Прыг-скок по карнизу. Круть-верть хвостом! Села напротив моей галки и смотрит. Ветер её треплет – так перья и заламывает, так белой крупой и сечёт!

Моя галка кусок свой схватила в клюв – и шасть из углубления на карниз! Тёпленькое местечко чужой уступила!

А чужая галка хватъ у моей кусок из клюва – и на её тёпленькое местечко. Лапкой чужой кусок прижала – клюёт. Вот бессовестная!

Моя галка на карнизе – под снегом, на ветру, без еды. Снег её сечёт, ветер перья заламывает. А она, дура, терпит! Не выгоняет маленькую.

«Наверное, – думаю, – чужая галка очень старая, вот ей место и уступают. А может, это всем известная и всеми уважаемая галка? Или, может, она маленькая, да удаленькая – драчунья». Ничего я тогда не понял...

А недавно вижу: обе галки – моя и чужая – сидят себе рядышком на старой печной трубе и у обеих в клювах прутики.

Эге, гнездо вместе строят! Тут уж каждый поймёт.

И маленькая галка совсем не старая и не драчунья. Да и не чужая она теперь.

А моя знакомая большая галка совсем не галка, а гал!

Но всё равно мой знакомый гал очень вежливый. Я такого первый раз вижу.

Тетеревиные ноты

Ещё не поют в лесах тетерева. Ещё только ноты пишут. Пишут они ноты так. Слетает один с берёзы на белую поляну, надувает шею, как петух. И семенит ножками по снегу, семенит. Крылья полусогнутые волочит, бороздит крыльями снег – нотные строчки вычерчивает.

Второй тетерев слетит да за первым по снегу как припустит! Так точки ногами на нотных строчках и расставит: «До-ре-ми-фа- соль-ля-си!»

Первый сразу в драку: не мешай, мол, сочинять! Чуфыркнет на второго да по его строчкам за ним: «Си-ля- соль-фа-ми-ре-до!»

Прогонит, поднимет вверх голову, задумается. Побормочет, побормочет, повернётся туда-сюда и лапками на своих строчках своё бормотание запишет. Для памяти.

Потеха! Ходят, бегают – расчерчивают снег крыльями на нотные строчки. Бормочут, чуфыкают – сочиняют. Песни свои весенние сочиняют и ножками да крыльями их на снегу записывают.

Но скоро кончат тетерева песни сочинять – начнут разучивать. Вzlетят тогда на высокие берёзки – сверху-то хорошо ноты видно! – и запоют. Все одинаково запоют, ноты у всех одни и те же: бороздки да крестики, крестики да бороздки.

Всё разучивают да разучивают, пока снег не сойдёт. А и сойдёт – не беда: по памяти поют. Днём поют, вечером поют, но особенно по утрам.

Здорово поют, как по нотам!

Чья проталина?

Увидела Сорока первую проталину – тёмное пятнышко на белом снегу.

– Моя! – крикнула. – Моя проталина, раз я первая её увидела!

На проталине семена, жучки-паучки копошатся, бабочка-лимонница лежит на боку – отогревается. У Сороки глаза разбежались, уж и клюв разинула, да откуда ни возьмись – Грач.

– Здр-расте, уже явилась! Зимой по вороньим помойкам шастала, а теперь на мою проталину! Некрасиво!

– Это почему же она твоя? – застрекотала Сорока. – Я первая увидела!

– Ты увидела, – гаркнул Грач, – а я о ней всю зиму мечтал. За тыщу вёрст к ней торопился! Ради неё тёплые страны покинул. Без неё и меня бы тут не было. Где проталины, там и мы, грачи. Моя проталина!

– Что он тут каркает! – затарахтела Сорока. – Всю зиму на юге грелся-нежился, ел-пил – что хотел, а вернулся – проталину ему без очереди подавай! А я всю зиму мёрзла, с помойки на свалку металась, вместо воды снег глотала и вот, чуть живая, слабая, высмотрела наконец проталину, так и ту отнимают. Ты, Грач, только на вид тёмный, а сам себе на уме. Кыш с проталины, пока в темя не клюнула!

Прилетел на шум Жаворонок, огляделся, прислушался и защebetал:

– Весна, солнце, небо ясное, а вы ссоритесь. И где – на моей проталине! Не омрачайте мне радость встречи с ней. Я жажду песен!

Сорока и Грач только крыльями всплеснули.

– Почему же она твоя? Наша это проталина, мы нашли. Сорока всю зиму её ждала, все глаза проглядела.

А я, может, так торопился с юга к ней, что чуть крылья в пути не вывихнул.

– А я родился на ней! – пискнул Жаворонок. – Если поискать, так тут ещё и скорлупки от яичка, из которого я вылупился, можно найти! Вспомню, бывало, зимой на чужбине гнездо родное – и петь неохота. А сейчас песня так и рвётся из клюва – даже язык дрожит.

Вспрыгнул Жаворонок на кочку, глаза прижмурил, горлышко у него задрожало – и полилась песня как весенний ручеек: зазвенела, забулькала, зажурчала. Сорока и Грач клювы разинули – заслушались. Им-то никогда так не спеть, горло у них не то, только и могут, что стрекотать и каркать.

Долго бы, наверное, слушали, разомлев на вешнем солнышке, да дрогнула вдруг под ногами земля, вспучилась бугорком и рассыпалась.

И выглянул Крот – зашмыгал носом.

– Никак прямо в проталину угодил? Так и есть: земля мягкая, тёплая, снега нет. И пахнет... Уф! Весной, что ли ча, пахнет? Весна, что ли ча, у вас наверху?

– Весна, весна, землерой! – сварливо закричала Сорока.

– Знал, куда угодить! – подозрительно буркнул Грач. – Хоть и слепой...

– Тебе-то зачем наша проталина? – проскрипел Жаворонок.

Крот принялся к Грачу, к Сороке, к Жаворонку – глазами-то он худо видит! – чихнул и говорит:

– Ничего мне от вас не надо. И проталина ваша мне не нужна. Вот землю вытолкну из норы и назад. Потому что чую: погано у вас. Ссоритесь, чуть не дерётесь. Да ещё и светло, сухо, воздух свежий. Не то что у меня в подземелье: темно, сыро, затхло. Благодать! Ещё и весна у вас тут какая-то...

– Как ты можешь так говорить? – ужаснулся Жаворонок. – Да знаешь ли ты, землерой, что такое весна!

– Не знаю и знать не хочу! – фыркнул Крот. – Не нужна мне никакая весна, у меня под землёй круглый год одинаково.

– Весной проталины появляются, – мечтательно сказали Сорока, Жаворонок и Грач.

– А на проталинах скандалы начинаются, – снова фыркнул Крот. – А ради чего? Проталина как проталина.

– Не скажи! – подскочила Сорока. – А семена? А жуки? А ростки зелёные? Всю зиму без витаминов.

– Посидеть, походить, размяться! – гаркнул Грач. – Носом в тёплой земле порыться!

– А петь-то как над проталинами хорошо! – взвился Жаворонок. – Сколько в поле проталин – столько и жаворонков. И все поют! Нет весной ничего лучше проталины.

– А чего тогда спорите? – не понял Крот. – Жаворонок хочет петь – пусть поёт. Грач хочет маршировать – пусть марширует.

– Правильно! – сказала Сорока. – А я пока семенами и жуками займусь...

Тут снова начались крики и перебранка.

А пока кричали и ссорились, в поле новые проталины появились. Разлетелись птицы по ним весну встречать. Песни петь, в тёплой земле порыться, червячка заморить.

– Пора и мне! – Крот сказал. И провалился туда, где ни весны, ни проталин, ни солнца и ни луны, ни ветра и ни дождя. И где даже спорить не с кем. Где всегда темно и тихо.

Заячий хоровод

Мороз ещё на дворе. Но особый мороз, весенний. Ухо, которое в тени, мёрзнет, а которое на солнце – горит. С зелёных осин капель, но капельки не долетают до земли, замерзают на

лету в ледышки. На солнечной стороне деревьев вода блестит, а тeneвая затянута матовым панцирем льда.

Порыжели ивняки, ольховые заросли полиловели. Днём плавятся и горят снега, ночью пощёлкивает мороз. Пришла пора заячьих песен. Самое время ночных заячьих хороводов.

Как зайцы поют, по ночам слышно. А как хоровод водят, в темноте не видать.

Но по следам всё понять можно: шла прямая заячья тропа – от пенька до пенька, через кочки, через валежины, под белыми снежными воротцами – и вдруг закружила немыслимыми петлями! Восьмёрками среди берёзок, кругами-хороводами вокруг ёлочек, каруселью между кустами.

Будто закружились у зайцев головы, и пошли они петлять да путать.

Поют и пляшут: «Гу-гу-гу-гу-у! Гу-гу-гу-гу-у!»

Как в берестяные дудки дуют. Даже губы раздвоенные трясутся!

Нипочём им сейчас лисицы и филины. Всю зиму жили в страхе, всю зиму прятались и молчали. Довольно!

Март на дворе. Солнце одолевает мороз.

Самая пора заячьих песен.

Время заячьих хороводов.

Нечеловеческие шаги

Ранняя весна, вечер, глухое лесное болото. В светлом сыром сосняке снег ещё кое-где, а в тёплом ельнике на бугре уже сухо. Я вхожу в густой ельник, как в тёмный сарай. Стою, молчу, слушаю.

Вокруг чёрные стволы елей, за ними холодный жёлтый закат. И удивительная тишина, когда слышишь удары сердца и собственное дыхание. Дрозд на еловой макушке высвистывает в тишине лениво и звонко. Свистнет, прислушается, а в ответ ему – тишина...

И вдруг в этой прозрачной и затаившей дыхание тишине – тяжёлые, грузные, нечеловеческие шаги! Всплески воды и позванивание льда. То-пы, то-пы, то-пы! Будто тяжело гружённая лошадь с трудом тянет по болоту воз. И сразу же, как удар, ошеломляющий грохочущий рык! Дрогнул лес, качнулась земля.

Тяжёлые шаги затихли: послышались лёгкие, суматошные, торопливые.

Шажки лёгкие догоняли тяжёлые. Топ-топ-шлёп – и остановка, топ-топ-шлёп – и тишина. Торопливым шажкам нелегко было догнать неторопливые и тяжёлые.

Я прислонился спиной к стволу.

Под ёлками стало совсем темно, и только мутно белело между чёрными стволами болото.

Зверь рыкнул опять – как из пушки грохнул. И опять охнул лес и качнулась земля.

Я не выдумываю: лес вправду дрогнул, земля вправду качнулась! Лютый рык – как удар молота, как раскат грома, как взрыв! Но не страх породил он, а уважение к его необузданной силе, к этой чугунной глотке, извергающейся, как вулкан.

Лёгкие шажки заторопились, заторопились: зачмокал мох, захрустел ледок, заплескала вода.

Я давно уже понял, что это медведи: дитё и мама.

Дитё не поспевает, отстаёт, а мама чует меня, сердится и волнуется.

Мама предупреждает, что медвежонок тут не один, что она близко, что лучше его не тронь.

Я хорошо её понял: предупреждает она убедительно.

Тяжёлых шагов неслышно: медведица ждёт. А лёгонькие спешат, спешат. Вот взвизг тихий: медвежонка шлёпнули – не отставай! Вот шаги грузные и лёгкие зашагали рядом: то-пы, то-пы! Шлёп-шлёп-шлёп! Всё дальше, всё тише. И смолкли.

И опять тишина.

Дрозд кончил свистеть. Лунные пятна легли на стволы.

В чёрных лужах вспыхнули звёзды.

Каждая лужа – как распахнутое в ночное небо окно.

Жутковато шагать в эти окна прямо на звёзды.

Не спеша я бреду к своему костру. Сладко сжимается сердце.

А в ушах гудит и гудит могучий зов леса.

Дрозд и Сова

Слушай, объясни ты мне: как сову от филина отличить?

– Это смотря какую сову...

– Какую сову... Обыкновенную!

– Такой совы не бывает. Бывает сова-сипуха, сова-неясыть серая, сова ястребиная, сова болотная, сова полярная, сова ушастая...

– Ну вот ты – какая сова?

– Я-то? Я неясыть длиннохвостая.

– Ну вот как тебя от филина отличить?

– Это смотря от какого филина... Бывает филин тёмный – лесной, бывает филин светлый – пустынный, а ещё рыбный филин бывает...

– Тьфу ты, нечисть ночная! До того всё запутали, что и сами, поди, не разберётесь, кто у вас кто!

– Хо-хо-хо-хо! Бу!

Пять тетеревей

Прилетел на обочину тетеревиного тока рябчик и завёл свою песенку: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!» Я пересчитал: шесть косачей на току! Пять в стороне на снегу, а шестой рядышком с шалашкой, на седой кочке, сидит.

А рябчик своё: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!»

– Шесть! – говорю я.

«Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!»

– Шесть! – стукнул я по колену. – Считать не умеешь!

Ближний – шестой – услышал, испугался и улетел.

«Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!» – свистит рябчик.

Я молчу. Сам вижу, что пять. Улетел шестой.

А рябчик не унимается: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!»

– Я же не спорю! – говорю я. – Пять так пять!

«Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!» – рябчик свистит.

– Без тебя вижу! – рявкнул я. – Небось не слепой!

Как залопочут, как замельтешат белые крылья – и ни одного тетерева не осталось!

И рябчик улетел с ними.

Блокнот забыл

Иду я по лесу и расстраиваюсь: блокнот забыл! А в лесу сегодня, как нарочно, столько разных событий! Весна всё медлила, медлила, и вот как прорвало. Выдался наконец тёплый и волглый денёк, и зима разом рухнула. Дороги раскисли, снег набряк, голые ольхи в каплях дождя, тёплый пар шевелится над проталинами. Птицы словно из клеток вырвались: гомон, щебетание и свист. На болоте журавли трубят, над лужами повизгивают чибисы, на вытявших кочках свистят кроншнепы. Одиночками, группками, стаями летят над лесом дрозды, зяблики, юрки, зеленушки. Новости со всех сторон – успевай только голову поворачивать!

Первый дрозд-белобровик пропел, первый кулик-черныш прокричал, первый бекас – лесной барашек – проблеял. Куда девать это такое половодье весенних новостей?

Как было удобно: увидел и записал, услышал и записал. Идёшь по лесу и складываешь новости в свой блокнот, как грибы в корзинку. Раз – и в блокнот, два – и в блокнот. Полный блокнот новостей, даже карман оттягивает...

А теперь? Всматривайся, вслушивайся и всё запоминай. Бойся пропустить самую малость, бойся забыть, перепутать, ошибиться. Складывай новости не в блокнот, а в себя. Да что ты – рюкзак или корзинка?

С блокнотом удобно и просто: «Прobleял первый бекас». Или: «Зарянка на ёлке пропела». И всё. Как припечатал. Зарубка на память, сообщение к сведению.

А теперь изволь эту самую зарянку, которой вдруг вздумалось петь, да вместе с огромной ёлкой, в лапах которой, как в широких ладонях, перекатываются, позванивая, осколки её стеклянной песенки, ухитриться поставить на полку своей памяти и сохранить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.